

репетицию, когда не думаю о том, что нужно беречь здоровье, у меня совсем другой возраст.

— **И все же вы умудряетесь держать себя в форме.**

— Плохо умудряюсь. Люблю поесть. Ничем так себя не сохранишь, как отказом от еды. А я никогда не голодала и не была на диете. Скажем, я безумно люблю хлеб с маслом и стараюсь, чтобы в доме всегда был свежий хлеб.

— **Зато, наверное, гимнастикой занимаетесь?**

— Никогда. Я на этот счет ленивая. А вот полежать, помечтать, как Обломов, — хорошо бы то да се — это другое дело.

— **Машины водите? Многие любят помечтать за рулем...**

— Когда-то давным-давно муж пытался научить меня этому. Вроде, загородное шоссе, полная пустота. И вдруг на обочине появилась коза. Я так испугалась, что задавлю ее, что тут же в панике на что-то не то нажала. Машина остановилась, и завести ее уже не удалось. Я сочла это предзнаменованием и новых попыток не предпринимала. Кстати, поездки в общественном транспорте не так уж ужасны. Меня часто узнают, говорят какие-то приятные вещи.

— **Раз вы любите полежать, помечтать в духе Обломова, выходит, лень не противопоказана актерской профессии?**

— Что ж, и ленивые могут пригодиться. Ленивый, он же мечтатель. А сама профессия — из тех, где есть, о чем помечтать. И приходит когда-нибудь момент, когда эти мечты исполняются. Хотя, конечно, люди целеустремленные больше годятся. А вообще-то, лень-не лень, все зависит от режиссера.

Хорошему режиссеру, как собака хозяину, стараешься угодить: «Скажи, что от меня надо, я это сделаю».

И лень забывается. Это очень «собачья» профессия.

страшное, когда кто-нибудь подходит, говорит: «А помните, мы с вами отдыхали на таком-то курорте?».

А я ничего не помню. Даже имени этого человека. И начинаю называть его «деточка», даже если «деточке» под восемьдесят. А от длительных простоев я просто заболела. Даже к врачу обращалась.

— **И случилось играть «не свои» роли?**

— Это только иногда кажется сначала, что они не свои. Вот недавно Борис Львов-Анохин предложил мне главную роль в «Воительнице». Я не считала ее своей. Но на репетициях от сцены к сцене, постепенно, режиссер дал мне почувствовать себя властной, резкой Домной.

— **Необходимость такого перевоплощения, наверное, выматывает душу?**

— Очень. Я страшно устаю, когда играю Домну. Но все же есть в ней то, что мне нравится. Это очень русский характер. Россия ведь контрастна: от чего-то безумно-сумасшедшего — хамства, пьянства, драки — до святости. Неуспокоенная, вздыбленная. И роль такая.

— **Наверное, вы — настоящая женщина?**

— А-а-а... Душечка?!

Валерия Горелова

Муж. Хозяин

— **Вы мало снимались в кино? Предложенных интересных не было?**

— Да, хорошего почти ничего не предлагали. А если и снималась, то теперь и названия фильмов вспомнить не могу. Но зато есть театр. Это такое счастье, если можно отдать со сцены все сердце. Вот оно, берите! И чувствовать ответную волну зрительской радости. Театр — это не просто дом. Ведь не случайно церковь, в которой некогда молились, — все же не та церковь. Так и театр.

Здесь многие годы выплескивались чувства — эмоции актеров и зрителей. И взаимная благодарность. Все в этих стенах сохраняется. Театр действительно храм, если так к нему относиться.

— **Вы работаете в Театре сатиры почти пятьдесят лет. Это ваш выбор или выбор судьбы?**

— Все началось со случайности. После «Сказания...» меня в «Сатиру» сразу пригласили на главную роль в водевиле «Лев Гурыч Синичкин». А я еще училище не закончила. И вдруг главная роль — Лидочка Синичкина, партнер — великий артист Владимир Яковлевич Хенкин. Спектакль, пользовавшийся успехом. Не могу пожаловаться на наш театр, мне всегда было в нем хорошо. Хотя главная его линия не на моих плечах, я ведь не сатирическая актриса, а скорее лирическая. И просто длительные бывали, такие, что роли начинала забывать. У меня вообще память плохая. Самое

ВТОРНИК. ОРТ. 21.50

«Все понимает и может сказать!» (с племянницей и ее собакой)